

На родине М. Горького

(Воспоминания современника о старом Нижнем).

I.

— «Нижний городок—Москвы уголок»—репутация по старому времени значительная и солидная.

Правда, этот «уголок» до самой революции в торговом отношении был как бы вотчиной «собираельницы» земли русской—Москвы, а точнее:

— «Обиравельницы».

Москва с ее значительным торговым центром страны, с ее «сорока-сороками» церквей—установила своеобразный порядок ограбления трудящихся масс своих вотчин—провинциальных городов, расположенных от нее в радиусе до 400 верст.

Нижний-Новгород, Ярославль, Тверь, Смоленск, Рязань, Тула и другие города, окружая тесным кольцом Москву, соединены были с нею железными дорогами с точными расписаниями. Только одна ночь отделяла эти пункты от богатого, переполненного товарами центра. Обыватели Смоленска, Тулы, вечером отправлялись в Москву, а утром уже завтракали в торговых рядах у знаменитого Мартыныча. День посвящали покупкам, а в ночь возвращались до-

мой. Дешевые тарифы, установленные не без влияния «обиравельницы» Москвы, еще более укрепляли зависимость радиусных городов от центра. Считалось обычным делом даже небольшие закупки производить в Москве, а не у себя дома. Благодаря такому порядку, торговля в этих городах падала, сводилась к мелкой рознице, а Москва тучнела и ширилась.

Нижний-Новгород до некоторой степени избегал этого. Его «спасали» знаменитая Нижегородская ярмарка и Волжское судоходство.

Московское именитое купечество не ария до самой революции боролось за перевод ярмарки в Москву, пытаясь бойкотировать «нижегородское все-российское торжище», демонстративно отказываясь от поездки в Нижний. Все это вместе взятое создавало в древнем городе особую атмосферу наживы, особые, своеобразные взгляды на способы наживаться, особую породу людей торгового класса: ласковых на словах, жестких и черствых на деле. Людей «дома у которых—каменные, сердца железные».

Неудивительно, что этот исключительный по своему составу город с избытком снабдил наших литераторов во главе с М. Горьким незабываемыми типами, художественными образами и впечатлениями; оригинальной, а чаще страшной жизни, отраженными в ряде литературных произведений.

«Фома Гордеев»—крупнейший роман Алексея Максимовича переполнен типами нижегородцев.

Кряжистые купцы, кондовые волга-

ри коммерсанты, главе их—фактически козляну города миллионеру Бугрову посвящены писателем ряд художественных страниц.

Историческая, политически высокоценная, повесть «Мать» вся построена на сормовских событиях девяностых годов. «Проклятый род» роман Н. С. Рукавишников—автобиография писателя. Подобный перечень событий из жизни его родственников Рукавишниковых, темных миллионеров, поволжья.

В начале девятисотых годов род этот почти прекратился. Последний—Митрофан Рукавишников последние годы своей жизни он—больной жалкий горбун—швырял деньги направо и налево, проделывал чудачества, о которых творились легенды, сохранившиеся до наших дней. Чудачества эти были настолько оригинальными для загнившего русского капитализма, что им придется уделить некоторое особое место в дальнейшем.

Свои детские годы в Нижнем Алексей Максимович правдиво-художественно отразил в великолепнейшей хронике прошлого, названной им «Детство».

История прошлого, история нашего собственного детства, тесно связанного, как и у писателя с Звездинскими, Дюковскими и Острожными прудами с Полевой, Канатной и Напольной улицами с оврагами. «Кадочкой» юрдовым Егошей—«Смерть в кармане» и прочими яркими фактами детского бытия, помимо ценности воспоминаний и яркости картин прошлого,

побуждает нас, современников, пополнить живыми фактами галерею художественно отображенных образов и событий. Факты эти, цепляясь друг за друга, могут дать своеобразный рисунок полузабытых дел и событий.

Автор настоящих воспоминаний имел величайшее счастье—почти 40-летнюю дружбу с Алексеем Максимовичем, непрерываемую до настоящего времени. Близость эта, между прочим, охватывает самый яркий, самый интересный период жизни писателя—нижегородский (1896-1901 гг.).

Приступая к воспоминаниям прошлого, в основе своей связанным с жизнью и деятельностью писателя нижегородца, необходимо отметить, что эти воспоминания будут полны и ценны при условии известного освещения ряда далеких нижегородских попутных событий, картин и характеристики интересных и ярких лиц нижегородцев; при выявлении отношений этих лиц к писателю, влияние их на последнего и, наоборот, влиянию писателя на этих лиц.

Картины эти, факты и события—логическая необходимость перехода к новой жизни, потребность перекинуть естественный мост, по которому люди должны были в конце концов перейти на другой берег.

Сделать все это надо теперь, скоро, твердо помня, что ряд живых фактов остается до сего не отмеченным, благодаря чему картины прошлого как бы уходят из памяти.

(Продолжение см. в одном из ближайших номеров «Л. С.»).

На родине М. Горького

(Продолжение. Начало см. «Лен. смена» от 6 апреля № 79).

II.

Детские годы писателя

— «Нижегородский цеховой малярного цеха» — Алексей Максимович Пешков, как значилось в официальном документе-паспорте писателя, родился 16 марта 1868 года в Нижнем Новгороде, во флигеле при доме 29 на Ковалихинской улице.

— «Ковалиха» — теперь улица М. Горького — за истекшие полвека резко изменила свою топографическую и бытовую внешность.

В годы рождения писателя это была окраина города, заселенная мастерами, ремесленниками и кузнецами «ковальями», откуда произошло, вероятно, и название «Ковалиха».

По дну ковалихинского оврага-ложбины протекала по направлению к селу Высокову речка, вернее ручей. Бурливая в весеннее время речка Ковалиха, летом почти пересыхала. В позднейшие годы старая купеческая управа пыталась засыпать ковалихинскую ложбину, но все попытки разбивались о непреклонную волю озорной, бурной речки-ручья: принимая в свое русло сток весенних вод, грязи, помоев, мусора, Ковалиха в одну вес-

ну омывала все сооружения, превращая местность на долгое время в непроходимую и непроездную трясину. По ночам трясина эта нередко оглашалась отчаянным криком: «караул» загулявшего, а нередко и трезвого обывателя, утопавшего в грязно-войлочей жиже.

Советская власть радикально упорядочила Ковалиху, устроив сеть длинных спускных и приемных труб, благодаря чему ковалихинская трясина как бы канула в вечность.

Найти место рождения писателя представляет известную трудность не только приезжим экскурсантам, но и местным жителям города. На сохранившемся доме № 29 нет даже простой отметки об этом событии.

В Горьком существует целый ряд мест, связанных с Алексеем Максимовичем, с его жизнью, — общественной, литературной и революционной деятельностью. Несмотря на все это, до сего времени эти места не отмечены даже простыми краткими надписями, хотя в отношении этого есть определенное решение президиума горсовета от июля 1933 г., положенное, по видимому, под сукно.

Семидесятые и начало восьмидесятых годов совпадают с жизнью Алексея Максимовича в районах Канатной улицы, в начале в доме деда Каширина, а затем, после некоторого перерыва, в семье родственника-чертежника в услужении.

После продажи дома на Успенском съезде дед с женой и мальчиком внуком переехал на Полевую, а через год во вновь купленный дом в конце Канатной улицы.

Жизнь в доме на Полевой была обставлена для ребенка сплошным ужасом семейных раздоров и зверских выходок родственников, добивавшихся наследства деда и видевших в матери писателя опасного претендента на это наследство. Яркие и художественные страницы «Детства» с их жуткой, захватывающей правдивостью отражают дикости людей провинциального болота.

— «Мещане» и ряд аналогичных произведений, иллюстрирующих «мещанство» в худшем смысле этого слова, имели, несомненно, своим началом жизнь в доме на Полевой.

Район Напольно-Острожной улицы, где родился и рос автор воспоминаний, соприкасался с районом Канатной улицы. Оба района упирались в чистое беспредельное поле с сврагами, свалками, «Кадочкой», кладбищем на живописном холме и рядом других незабываемых пунктов, вокруг которых сосредоточена была привольная, беспечальная, свободная детская жизнь с ее забавами, играми и радостями, с ее детской отзывчивостью и добротой и детской жестокостью. Последняя создавалась и крепла среди ребят городских окраин на почве известного молодечества, удали. Более глубокие причины этого явления надо было искать в условиях определенного влияния взрослых. Основным развлечением последних было в то сумрачное время кровавый бой «стенка на стенку», бой до увечья, до смерти; бой не по злобе, а по охоте, бой, имевший в жутком процессе физического столкновения «стенок» своего рода рыцарские традиции.

Во всех заранее намеченных праздничных боях мы — ребята принима-

ли самое горячее участие, начиная мелкими стычками между собой, выходя в дело более крупные боевые единицы вплоть до общей свалки.

Алексей Максимович, как и сам он отмечает неоднократно, в детстве тихоней не был.

— «Меня не пускали гулять на улицу», вспоминает он, «потому что он слишком возбуждала меня, я тогда хмелел от ее впечатлений и почти всегда становился виновником скандалов и буйств. Товарищей у меня не заводилось, соседские ребяташки относились ко мне враждебно, мне не нравилось, что они зовут меня Кашириным, а они, замечая это, тем упорнее кричали друг другу: — Каширя Каширина внушенок вышел, гоните. — Валяя его...

Был я не по годам силен и в боях, — это признавали и сами же враги, всегда нападавшие на меня кучей. Но всетаки улица всегда была моей и домой я приходил обыкновенно с расквашенным носом, расклеванными губами и синяками на лице, оборванный, в пыли».

Воспоминания о детских годах писателя, сохранившиеся в среде жителей Канатной улицы, вряд ли резко расходятся с действительностью.

— «И сколько этот парень стенок в улице побил, и не сосчитать. Озорной был». Бой-парень известен был также, как частый посетитель Новой Сенной площади, смежной с Канатной улицей, где он вращается в кругу взрослых — торговцев, цыган-доменов. Обстановка своеобразного торгового обмена, по видимому, захватывала его. На площади среди цыган, крестьян, лошадей он старался вести себя как взрослый и при том, как опытный, выдавший виды, комолен.

На родине М. Горького

(Продолжение)

ГОРДЕИ ЧЕРНОВ.

В повести М. Горького — «Фома Гордеев» много нижегородского: и лиц, и событий, и фамилий.

Герой повести — Фома Игнатьевич Гордеев, его отец Игнат Гордеев — типы чисто волжские, но фотографически полностью не являют из себя определенных волжских лиц.

По некоторому созвучию имени, обилию скандальных действий, Фому Гордеева отождествляют с волжским судопромышленником, нижегородским купцом Гордеем Ивановичем Черновым, воевавшим на Волге в восьмидесятых годах.

В поступках Фомы Гордеева действительно много черновских приемов, черновского самодурства, но правильное будет, если мы скажем, что в Фоме Гордееве сконцентрировалось самодурство всего волжского купчества восьмидесятых годов.

Годы эти — исключительное время в жизни волжского капитала. Это период бурного расцвета волжской судопромышленности. Отмеча-

ются случаи, когда мелкий предприниматель, заказав на одном из заводов на льготных условиях — в расрочку буксирный пароход, оправдывал его стоимость в одну навигацию. Предприниматель при известной коммерческой ловкости мог не иметь даже средств на задаток: необходимо сумму за него вносили кладчики, едатчики грузов, преимущественно хлебных. Состояния создавались со сказочной быстротой. Люди богатели в одну навигацию. Правда, некоторые и разорялись с такой же сказочной быстротой. Это тоже было в порядке вещей, находившем себе некоторое объяснение в старинной судоходной поговорке:

— Волга дураков не любит.

Этот головокружительный прилив и отлив капиталов создавал головокружительную атмосферу безумных трат, разгула и связанных с ними — озорства и самодурства.

— И Гордей Иванович Чернов, и Фома Игнатьевич Гордеев — если бы последний фактически существовал — в этой обстановке были бы близки к людям, также как близки им были действительно существовавшие: рязанский Иван Родионович Быков, лысковский Сергеев, городецкий Иван Петрович Облаев, Коло-тушкин, нижегородский Мелетий Кожебаткин (Илья Ефимович Кононов по повести М. Горького), «заяц» — маклер Иван Соколов и ряд других, схожих ростом, силой, изощренностью в чудачествах и самодур

Спокойно залезал в рот лошади, возили нечистоты. Но все это не мешало ребятам прыгать в воде и нырять в грязный ил. Чистой воды здесь было мало. Неудивительно, что ребята окранны по целому лету ходили в прызи и ципках, кроме того, от окранных ребят всегда так скверно пахло.

Поздней осенью, когда промерзлая земля ждет обильного снежного покрывала, птицы — щегленок, снегирей — так охотно и легко идут под сетку и в чанки, в оврагах, около Канатной на небольших лощинах, среди оголенных кустов строились усадьбы.

Стороны площадки утыкались кустами репейника, на середине, на расчищенном месте ставили воду, сыпали конопляное семя.

Часами протанавливая у конца длинной веревки от сетки, или круга, ребята-птицеловы, передергивали губами, подманивали красногрудых снегирей, — подражая их своеобразному хрюканью.

Вот с важностью чиновной особы, перепрыгивая с ветки репейника на землю, снегирь осторожно приблизился к корму.

— Р.

Натянута веревка перебрала половину круга с сеткой, прикрыв последнюю птицу.

— Попался пузан. Пожалуйте в клетку.

Таковы были радости детства окранный детворы, среди которой жил Алексей Максимович, непосредственно участвуя в создании этих радостных настроений.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ).

Начиная с самой ранней весны вся детская детвора с Канатной, Напольной, Ново-Сенной — в поле.

У домов еще снег, а в поле уже голубицы. Побегать по этим проталинам, добежать до них босиком, покрывая лед и холодный грязь — любимое дело. Ребята студились, хворали, умирали, но проталины не изменяли.

Иногда горячая весна, жаркое лето, ребячий мир без вражды и злобы объединялся в одном пункте:

— На «Кадочке».

«Кадочка» — ключ студенной, чистой воды в одном из оврагов. Ключевая вода идет по оврагу, небольшая ручейком, отсюда попадает в низину, горловина которой запружена.

Виден неглубокий пруд.

— Это купальня для детей окранный. Сотни ребят с криком и визгом с утра до вечера полощутся в причесанном пруду. У берега, с одной стороны отмигивались бочки «вольного хутора», расположенного на окраине. В этих бочках по ночам

стве исконно-русских промышленников с бурливой и озорной Волги.

Наиболее яркие случаи проявления чудачества и озорства отдельных лиц как бы регистрировались в памяти волжских людей. В живых устных передачах события пополнялись новыми фактами, иногда и чуждого данному лицу происхождения, в дальнейшем создавался чисто волжский комплекс особых судоводных чудачеств и ярких случаев пьяного протеста, претворявшихся чуть ли не в героизм.

Таков в повести Фома Гордеев с коллективными особенностями, заботливо собранными для него талантливый автором.

Рядом с ним — живое лицо нижегородского волжского прошлого — Гордей Чернов с целым рядом незабываемых фактических и индивидуальных проявлений чудачества и озорства, своеобразно диких, а подчас и оригинальных.

Гордей Чернов — широкая русская натура, склонная к проявлениям крайней дикости, удивительного хладнокровия и особого равнодушия и спокойствия в моменты жизненных неудач и несчастий. Все это рисует его как человека с громадной силой воли и исключительным по твердости характером.

По наружному виду это был русский былинный богатырь, по природе физически страшно сильный. Высокого роста, могучего сложения, с крупными чертами лица, обрамленного темно-русой бородкой.

Гордей был типичный русский волжский купец, родной и Тит Тытычу с его «чего моя нога хочет» и славному атаману Степану Разину с его беззаветной удалей и скорыми решениями.

Нефтяной атаман Гордей Чернов не задумываясь крикнул:

— «Замарать весь мой караван под нефтяную поставку!».

Степан Разин пошел на волжских стругах через Каспийское море в Персию.

— «А чем я хуже удалого молодца-атамана», — решил Гордей и создает проект перевозки нефти в волжских баржах непосредственно из Баку в Нижний.

— Сказано — сделано.

Спешно строится в Городец Тарасом Зайковым наливная баржа «Морячка».

— Не пропустим баржу в море: опасно, — упрямылось астраханское судоводное начальство.

— Не пропустите? Хорошо! И без вашего пропуска обойдемся. Ночью Гордей забуксировал «Морячку» и увел ее в море. В Баку баржу арестовали. Выпуск ее с грузом и командой был категорически воспрещен. «Морячка» была взята под охрану чуть ли не военного судна каспийской флотилии.

Такой силе Чернов вынужден был уступить.

Весна 1886 года. Бурная, скандальная весна в истории волжского судоводства. Неудачливая осень 1885

года разбросала караван по волжскому плесу. В Сорновском затоне часть каравана стала на зимовку на открытом плесе. В этом опасном, ничем не защищенном «хвосте», оказались и черновские баржи. Судоводное начальство мер не приняло, подводка не удалась и караван Гордея под напором льда гибнет на глазах хозяина.

Когда ледяная масса начала калечить баржи и о спасении судов нечего было и думать, стоявший на берегу Гордей Чернов опустился на колени и земно поклонился гибнущим судам.

— «Прощай, батюшко, кораванушко, — только и сказал он, а затем уехал в город и... запил.

Запой Гордея были длительны, сумбурны, сопровождалась скандалами. Об них писали газеты, против безобразных выходов принимались нередко крутые административные меры, юмористические журналы помещали описания деяний Чернова под заголовком: «Безобразия зеленой лошади», а Гордей не обращая ни на что внимания, пил и скандалил, скандалил и пил.

— Явившись в Нижегородский общедоступный клуб, именовавшийся в общегитии «Собачкой», Гордей подошел к группе играющих в карты, облюбовал широкую лысину у одного игрока, наплевал себе на руку, а затем содержимое с звонкой отчетливостью и силой приложил к тыщине

Крик, шум, возмущение.

Гордей спокойно, не торопясь снимает свой сюртук, бережно складывает его на стуле, а затем, засучив рукава сорочки, начинает крушить клубских завсегдатаев. Победа далась ему быстро. Часть игроков залезла под столы, часть скрылась.

«Победителей не судят», но Гордея не только судили, но и приговорили к аресту за скандал в публичном месте.

«Победитель» скрылся в Рыбинск, где у него стоял груженный хлебом караван.

В пьяном виде он повздорил с рыбинским полицейстером, фактическим хозяином богатого торгового города.

Считая себя обиженным, Гордей решил отомстить полицейстеру.

В местном театре шли спектакли московской опереточной труппы. Театр усилленно посещался рыбинской публикой. Гордей Иванович приобретает два билета рядом с местом полицейстера в первом ряду.

Первое начало спектакля, когда большая половина публики было уже на местах, из дверей центрального хода по серединной дорожке показались пара: громадный Гордей Чернов в черном сюртуке под руку с такой же под его рост крупной дамой — мулаткой шансонеткой, певицей из метного загородного сада.

Картина важно шествующей пары была исключительной. На темном

фоне лица дамы улыбка — два ряда сверкающих белых зубов. Громкая наискось надета шляпа с широким развевающимся пером. На ружью степенный и решительный вид самого Гордея.

Около места полицейстера шестие остановилось. Мулатка важнó опустила на кресло рядом с начальством и, улынувшись последнему, выкатила в его сторону белки глаз.

В публике поднялся хохот, который еще больше усилился, когда взбешенный полицейстер поднялся с своего места и чуть не бегом направился к выходу.

Яркое весеннее утро К груженой хлебной барже на рыбинском рейде подъезжает лодка-завозня. Чалка принята, лестница спущена. На палубу взбирается грузная фигура хозяина. В руках у него какой-то футляр.

Не отвечая на почтительные поклоны водолива и матросов, опухший, с красными воспаленными глазами, Гордей Чернов идет вдоль баржи, грузно опускается на толстый цолевой кнехт. Медленно открывает футляр и вынимает из последнего... скрипку.

Приставив инструмент к плечу, он левой рукой захватывает все струны на грифе; зажатый в правой руке смычок он начинает водить по струнам...

Над тихой Волгой понеслись дикие, страшные звуки. На соседних

баржах стал собираться встревоженный народ. А пьяный Гордей все играет. Играет и плачет. Обильные пьяные слезы текут по его щекам и всклокоченной бороде.

Около часа длится этот дикий концерт. Наконец музыка смолкла. Чернов поднимается с кнехта и со всей силой ударяет по нему скрипкой. Инструмент разбивается вдребезги, в руках музыканта гриф и смычок, которые тут же ломаются через колено, остатки швыряются в Волгу, туда же летит и футляр, сброшенный ударом ноги. Хозяин, попрежнему не отвечая на поклоны служащих, идет к трапу, опускается в лодку и отъезжает на берег, где его ждет на извозчике доверенный. Запой кончился.

К вечеру в квартире доверенного прибрано. Хозяин только что вернулся из бани. В зале приготовлен стол, покрытый белой скатертью. Облачается духовенство, дьячек раздувает кадило. Торжественно и долго служит заказная всенощная. После нее, молебен специальному святому Федору Тирону «от пьянственного запоя».

За службой Гордей Иванович часто опускается на колени и ударяя себя кулаком в грудь, сокрушенно вздыхая, шепчет:

— Будь милостив ко мне грешному.

После всенощной чай с медом и постным сахаром.

— День-то знаешь, какой у нас, — с укоризной говорит он доверенно-

му, поставившему к чаю сахар-рафинад, — «середина ведь, а рафинад — на бычачьих костях готовят»...

Ночь... В душевной спальне, с окнами закрытыми ставнями, перед киотом с темными ликами святых горит лампада.

Гордей в ситцевой рубашке, подпоясанный самотканым поясом, в валенных туфлях на босую ногу, стоит и молится.

Толстые губы шепчут привычные слова, а мысли... мысли уж где-то там, около Нижнего, на шумных торговых пристанях, на сдаче мазута.

Темным ликам святых волжский коммерсант отдает поклоны и вздохи, а думы уж на живом торговом деле.

— «Владыко вседержителю», шепчет Гордей, истово крестясь и кланясь...

— «Ежели по 7 копеек с пуда, да партия подходящая, это на круг выйдет»...

— «О, всепетая мати», механически перебиваются торговые мысли и слова молитвы, но перебивают только на момент. Коммерция отводит Гордея в свою сторону.

— «Теперь «Морячка» в постройке... Дело заглазное, а этот сукин сын Тараска плут, каких искать не найдешь»...

— «Высших сил зиждителю и покровителю»...

— Копани окоротят подлещи, наставки сделают из гнили. Толку

потом с ними, с мошенниками...

— «Никола милостивый, будь поощью мне грешному»...

Молитва кончена. Тяжелые вздохи и шопот сменяются храпом.

Ранним утром за самоваром деловая беседа и распоряжения... Работа кипит...

1892 год. Нижегородская биржа гудит, как потревоженный улей. На всех столах одна новость:

— Гордей Чернов бросил все дела и скрылся.

Подтвердившееся событие было реализовано по-коммерчески: по делам Гордея назначен конкурс.

По-старому это коммерческая смерть.

Завертелась адвокатская конкурсная машина. Началась спешная ликвидация брошенного имущества. Как не старались кураторы погубить дело спешными не-коммерческими продажами, как не тащили в свои бездонные карманы черновские капиталы, дело оказалось настолько сильным, что после распродажи за бесценок имущества, конкурс завершился небывалым результатом: остатком свободных денег в крупной по тогдашнему времени сумме до 200 тысяч рублей.

— Так кончилось черновское дело на Волге.

А Гордеев след отыскался... На далеком Афоне, в горе над морем, выросла в камнях новая кедья. В ней успокоился волжский купец-самодур.

На родине А. М. Горького

IV.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ).

В Советский Союз возвращается из Харбина писатель Петров-Скиталец.

Возвращается старинный друг Алексея Максимовича.

— Тень Горького — как звали его в городе. Чуткий яркий писатель, знающий низы старой русской жизни.

Девяностые годы в Нижнем-Новгороде. Весной 1896 года Алексей Максимович приезжает сюда из Самары на постоянную работу.

В Нижний через некоторое время едет и Скиталец.

Самарская дружба тесно связывает обоих писателей. Поселился он в квартире Алексея Максимовича.

Газетная молодежь того времени, уже склонявшаяся перед явным авторитетом — назревающим талантом великого писателя, — по отношению к Степану держалась несколько панибратской и отчасти издевательской линии.

— Тень Алексея Максимовича...

— Карикатура на Горького.

Так острили и пересмеивались мы при появлении в редакции оригинала и его копии — Скитальца.

В часы ежедневных утренних посещений редакции Алексеем Максимовичем шумливая молодежь, слышав характерное «оканье» в соседней комнате, быстро смолкала.

— Один? — спрашивает кто-нибудь, случайно ввернувшегося в редакционный зад длинноногого служителя.

— «С тенью», — отвечает шопотом последний. Мы уже догадывались, что пришел и Скиталец.

Некоторое сходство Алексея Максимовича с Степаном было: рост, очертание лица, манера носить и закидывать длинные волосы и подражание Скитальца в одежде Горькому.

Степан Гаврилович Петров из крестьянской семьи. Научившись грамоте, поступил в учительскую семинарию, но был исключен за политическую неблагонадежность. Детская жизнь писателя протекала в условиях и обстановке скитанья со стариком отцом-гусляром, по местам людских сборищ. Под звон гуслей родилась песня мальчика на потеху шумной, часто пьяной толпы. Вместе с песней родилась и крепла любовь к звукам. Степан сам уже владел гуслями, сам тонко, перебирая гудящие и звенящие струны, создавал музыкальные мелодии, дополняя их своим окрепшим молодым голосом.

По выходе из семинарии Скиталец — писец, хорист, певчий.

Перебравшись в Самару, даровитый певец и музыкант проявил себя тонким наблюдателем окружающей действительности. Он стал писать в газеты.

У Скитальца в ряде его литературных произведений есть сильная и яркая повесть «Октава».

Широкими, сочными мазками писатель рисует в ней картины низов жизни. Быт церковных певчих. Жуткие картины людских страданий и унижений в обстановке проклятого прошлого.

Максим Горький и Скиталец во время их пребывания в Нижнем-Новгороде. Фото ДИМИТРИЕВА.

Плотник рабочий, имел чудную октаву и распевая на постройках, обратил на свой голос внимание «любителя» и тот перетаскил, смайл его в церковный хор. Здесь, потрясая своды могучим голосом, бывший плотник быстро превратился в любимца публики. Купцы ценили его голос по своему: денежными подачками и угощением. Водяку он приспособился пить чайными стаканами. Спился, но после опасной болезни, когда его пьяного благодетеля выкинули для отрезвления на снег, плотник бросил хор и занялся своим старым делом — плотничеством.

На фоне этой простой истории выявлен ряд интересных эпизодов жизни большого города, каковым был уже тогда Нижний. Между прочим, в повести со всеми подробностями описывается церемония

«проклятия» живых и умерших людей служителями православной церкви.

Великим постом в соборе совершалась эта грубая, страшная церемония. С церковного амвона голосистый протодякон «проклинал» людей-христиан, нарушивших ряд нелепых церковных обрядов, совершивших отступления от религиозных догм, мертвых букв религиозного закона, проявивших попытки анализировать хотя бы в слабой форме некоторые религиозные события, принимаемые массой слепо на веру.

Жуткая церемония.

После приведения отдельного пункта нарушения, протодякон возгласил по адресу нарушителя:

— Анафема!

Хор певчих трижды повторял это слово.

Помимо живых, «анафема» возглашалась и давно умершим беспокойным людям прошлого: «Емельяну Пугачеву», «Степану Разину». Вся сцена «проклятия» целиком воспроизведена в повести «Октава».

— Этим жутким, жестоким обрядом был очень заинтересован Алексей Максимович и описание потрясающей сцены «проклятия» не прошло, повидимому, без его участия.

Почти весь пост Алексей Максимович и Скиталец, являясь в редакцию, каждый раз воспроизводили те или иные подробности страшной духовной процедуры, нашедшие в дальнейшем отражение в повести.

— Сия вера истинная — начинал Алексей Максимович.

— Сия вера апостольская — вторил октавой Степан.

— Ана..фе..ма. — гудел баском Алексей Максимович.

— Ана..фе..ма, — рывкал Степан. По тому времени такая песня считалась большой революционной дерзостью.

В домашней жизни «тень» Алексея Максимовича — добродушный, милый товарищ.

— Откинутые назад космы, папираса в длинном мундштуке, пенсне на толстом шнурке, почти всегда заброшенном за ухо и гусли на коленях.

Перебирая струны, аккомпанируя. Степа басит свою любимую пародию:

И снится ей все, что в пустыне далекой,

В том крае, где солнца восход,
На голем утесе, на пальме

прекрасной,
Без ризы болтается поп.

1901 год. Вся группа нижегородских бунтарей-литераторов во главе с Горьким и Скитальцем очутилась в первом корпусе нижегородской тюрьмы.

За стенами тюрьмы глухо волновалось общество, а заключенные, пользуясь тем, что камеры в коридоре, по распоряжению начальства на день не запирались, объединились. Решено было устроить театральное представление. Сочинена была комическая опера на злобу дня. Скиталец оформил оперу в части вокально-музыкальной. Были распределены партии — отдельные персонажи, хор.

Помещения камеры, коридора и тюремного двора огласились ориги-

нальными напевами. Едкое, остроумное содержание арий вызывало смех всей тюрьмы. Звуки через открытые окна неслись на волю, за тюремные стены.

— Нижегородский провокатор садовник Лазарев, являвшийся в тюрьму с постелькой и ночным удобством в руках, приветствовавший заключенных еще с тюремного двора стереотипной фразой: «а вот я к вам опять, детки»... — Этот Лазарев был также в оперной труппе.

Начальник тюрьмы Барынин — из бывших офицеров, допустивший послабления, спустя некоторое время, когда либеральный теплый ветер сменился на резкий и холодный Норд, пострадал за слабость и увлечения оперным искусством.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ).

Ф. П. ХИТРОВСКИЙ

* * *

НА РОДИНЕ М. ГОРЬКОГО *)

V.

Крепко любит и помнит свой родной город Алексей Максимович.

С Нижним он тесно связан своим ярким прошлым. В Нижнем он родился, жил здесь около 25 лет, провел детство, часть юности и период литературно-общественной и революционной деятельности (1896—1901 г.).

— Эта близость и любовь к родному городу нашли между прочим отражение и в подарках-памятках, которые писатель направляет сюда в музей его имени, и в тех душевных отзвуках о земляках, упорно именующих «нижегородцами».

— «Люблю нижегородцев—хороший народ!»—писал он в родной город, уже носивший его имя.

*) Первые очерки см. в «Ленинской смене» за 8 и 17 апреля, 15 мая и 11 июня 1934 г.

Присланные в последний раз две картины художника Кустодиева «Два монаха» и «Русская Венера» и ковер с вытканым шерстью портретом писателя—подарок Совнаркома Армении—ценны и материально, но, конечно, расценивать их только с этой стороны не приходится. Ценность всякого рода предметов, посылаемых страной писателю и направляемых последним в свой родной город, выражается в проявлениях сердечных чувств и настроений, идущих к великому человеку с низов, от молодежи, от рабочих, от детей со всех концов нашего обширного Союза. В этих посылках почти всегда конкретно отражено желание собрать и отметить мельчайшие крупицы фактов и событий личного участия писателя в том или ином деле, пребывания его в известный период в известном пункте, местности.

Вот последний присыл—казанский.

В ряде фотографических снимков воспроизводится казанский период жизни писателя—1884—1888 г.

С этим периодом, как известно, связано страстное желание Алексея Максимовича учиться, поступить в университет, но:

— Думал в храм славы понасть.

А очутился в больнице!

— Казанские скитанья и неудачи едва не лишили нас великого писателя. Под влиянием тяжело сложив-

* * *

шихся жизненных условий он выстрелил себе в грудь, рассчитывая попасть в сердце, но только пробил легкое.

Через месяц он выздоровел, но казанская рана осталась физически памятной на всю жизнь.

Казань отражена писателем в его произведениях: «Коновалов», «Двадцать шесть и одна», «Хозяин», «Бывшие люди», «Случай из жизни Макара», «Болесь», «Мои университеты».

Казанский период нашел известное отражение в фотографических снимках, присланных писателем в музей.

Вот снимки Марусовки, полуразрушенного дома на Рыбноярской улице. Обитель казанской богемы. Жилище бывшего голодного казанского студенчества.

Коридор в Марусовке. В этом, тщательно выполненном снимке, представлен коридор с единственным окном на волю. Здесь жил

Алексей Максимович вместе с Плетневым—ночным корректором газет, зарабатывавшим за целую ночь тяжелого труда 11 копеек. На двоих жильцов коридора была одна койка. Ночью на ней спал будущий великий писатель, а днем, когда ему нужно было уходить на казанское устье на погрузку, койку для отдыха использовал Плетнев. Норма суточного довольствия двух взрослых парней с волчьим молодым аппетитом была более чем скромная: она не превышала 4 фунтов черного хлеба, щепотки чаю на 2 копейки и на 3 копейки сахара.

Яркие и колоритные снимки ночлежки в Журавлевке, Федоровского бульварка, тюрьмы, пристани на Устье, булочной Деренкова, литографии Федосеева, дома, где помещалось крендельное заведение Василия Семеновна, жизнь в котором нашла художественное отражение в произведениях писателя: «Хозяин», «Коновалов», «Двадцать шесть и одна».

«Тяжелое время, но поучительное», говорит сам Алексей Максимович об этом периоде.

Последний раз писатель был в Казани в 1928 году.

Такова Казань в отражениях пребывания в ней великого писателя.

Что же сделал в этом отношении родной Нижний-Новгород—ныне го-

род. Горький—родина Алексея Максимовича? Как и чем ознаменовано длительное пребывание великого земляка здесь?

В июле 1933 года горсовет вынес постановление отметить пребывание Алексея Максимовича в Нижнем-Новгороде постановкой особых мемориальных досок в местах, связанных с его жизнью в городе.

Места намечены. Текст надписей одобрен.

Постановление Горсовета до сего времени остается не выполненным!

Даже место рождения писателя на Ковалихе—ныне улице М. Горького попрежнему остается неотмеченным.

* * *

— Обращаясь к событиям, связанным с жизнью Алексея Максимовича в старом Нижнем-Новгороде, приходится разделить их на ряд периодов: детства, юности и более зрелого возраста—молодости, связанного с определенной работой профессионала-литератора и тесно соприкасающейся с ней общественно-политической деятельностью.

— Период детства Алексея Максимовича нашел уже себе яркое, незабываемое, высоко-художественное описание в произведении самого писателя.

Его «Детство» художественные страницы жизни прошлого.

Период юности—конец восьмидесятых и начало девяностых годов вообще освещен тускло. Этот период, совпавший со службой писателя у нижегородского присяжного поверенного А. И. Ланина, можно назвать периодом литературного и политического самоопределения писателя, периодом исканий твердых путей. В освещении этого времени как бы скуп и сам Алексей Максимович, хотя его встреча в Нижнем с писателем-народником Петропавловским-Карониным дает все же некоторую зарисовку настроений и стремлений самого Алексея Максимовича, ярко отражая картины безотрадной жизни талантливых, честных писателей того мрачного времени, а в особенности по сравнению их с условиями современными.

— В 1889 году Алексей Максимович пришел из Царицына в Нижний, чтобы здесь «сесть на землю». Под влиянием знакомых народовольцев Алексей Максимович одно время серьезно мечтал об устройстве земледельческой колонии.

— Вот описание его встречи с Карониным:

— «Передо мной,—рассказывает Алексей Максимович—высокий человек в туфлях на босую ногу, в стареньком рыжем пиджаке, надетом на

рубашку, не лучше моей, на ворота рубахи одна пуговица оторвана. Брюки его измяты, вытянуты на коленях, и тоже не лучше моих, длинные волосы растрепаны так же, как и у меня».

— «Мы в узкой комнате, и первое, что бросается мне в глаза, в ней нет стола, нет книг. У стены койка. Один ее конец выдвинут немного на середину комнаты, на подушках лежит пирожная доска, на доске неподписанный лист бумаги, несколько таких же листов на стуле. По примятой постели видно, что человек писал, оидя верхом на койке, а столом служила ему пирожная доска».

Вторая встреча с Карониным произошла на бульваре, на знаменитом нижегородском откосе, в 6 часов утра.

Алексей Максимович в это время перед поступлением на должность письмоводителя к Ланину, работал на развозке кваса.

— «Вы чем, собственно, занимаетесь?»—спросил Каронин А. М.—ча.

— Развожу баварский квас...

— То есть как это, куда развозите?

— По лавкам, по домам.

Он подумал и сказал усмехаясь:

— «Это должно быть очень скучно и глупо, а?

— Ну, досвиданья, купец, заходи-те же!..

И последняя, прощальная встреча имела место на нижегородском «Балчуге» (рынок барахла на Почайне).

Каронин продавал старьевщику кожаный пояс и жилет. Сгорбясь, кашляя, стоял перед каким то жуликом, в очках, сняв пиджак, в одной рубашке и убедительно говорил:

— Но, послушайте, почтенный,—что же я буду делать с семнадцатью копейками?

— А уж этого я не знаю.

— На семнадцать копеек не проживешь день.

— Живут и дешевле,—равнодушно сказал жулик.

Каронин, подумав, согласился:

— Верно,—живут! Давайте деньги.

Когда Алексей Максимович поздоровался с ним, он сказал, надевая пиджак:

— А я, вот, продал часть своей шкуры. Так-то, барин! Что бы работать—надо есть...

Вскоре Каронин умер. В день смерти он грустно сознался:

— Оказывается, умирать гораздо проще, чем жить.

(Продолжение следует).

Ф. П. ХИТРОВСКИЙ

НА РОДИНЕ М. ГОРЬКОГО

(Продолжение *).

V.

Работая в канцелярии известного нижегородского адвоката, изучая дела, осваивая интересные жизненные типы, молодой Пешков, как и большинство городской молодежи его возраста, переживал естественные периоды известных увлечений, при чем, свои повышенные настроения он пытался, и не без успеха, претворять в стихотворные формы.

Тетрадку—сборник своих первых, более ранних стихов он в 1889 году потерял по дороге из Москвы в Нижний, но писать стихи не прекратил. В дальнейшем Алексей Максимович

*) См. вчерашний номер «Ленинской смены».

всегда оправдывал тяготение молодости к стихам и к песне.

В раннем детстве, живя в услужении у родственника—чертежника, вынося тычки, оскорбления и издевательства злой старухи—матери хозяйина, он свои сетования на обиды и невеселую долю излагал в таких стихах:

Господи, господи—скушно мне!
Хоть бы уж скорей вырасти!
А то житья-терпенья нет,
Хоть удавись, господи прости!

Из ученья не выходит толку,
Чортова кукла, бабушка Матрена
Рычит на меня волком,
И жить мне очень солоно!
Эти стихи Алеша Пешков писал, когда ему было 11 лет.

А вот стихи, написанные им в более зрелом, двадцати двух-летнем возрасте.

Стихотворение адресовано одной нижегородке—**Метлиной**, которая, кажется, была артисткой и, видимо, сильно взволновала молодого писателя. Содержание стихотворения, помещенного апрелем 1891 года, таково:

Нет! Там бессильна голова,

Где сердце хочет говорить,
Святую речь его в слова
И мудрецу не перелить.
Где сердце хочет говорить,
Молчать там робко должен ум,
Чтоб звуками не исказить
Святых и чистых сердца дум.
Тот, кто бы захотел излить
Словами смысл его идей,
Не человеком должен быть,
А выше, чище и святей!..

Интересна судьба этого стихотворения.

Обнаружено оно в 1934 году, где-то около Туркестана. Стихотворение, посвященное нижегородке-артистке, написано оригинальным почерком писателя на обратной стороне его фотографической карточки. Адресат передал карточку со стихами своей дочери, последняя увезла карточку в Закаспийскую область.

Стихотворение подписано: **Максим**.

Подпись эта говорит о многом:

В семье Пешковых имя Максим является как бы родовым, наследственным: такое отношение к этому имени в основе своей ярко выражает особую любовь писателя и всех его близких к отцу Максиму Савватееви-

чу Пешкову, умершему в 1873 году в Астрахани от холеры. В этот роковой год заболел будущий писатель пятилетний Алексей. От него заразился отец. Сын выздоровел, отец умер. Факт смерти отца в таких тяжелых условиях и обстановке как бы усилил к нему нежную любовь сына. Неудивительно, что Алексей Максимович в особо выдающиеся моменты своей жизни использовал дорогое для него имя Максима, взяв его, как основу и для своего литературного псевдонима. Жизненные невзгоды детства и юности добавили к этому имени выражение пережитой жизненной горечи, отсюда: Максим Горький. Сыну, первенцу писателя, дано было то же имя Максим. И, наконец, брат писателя, родившийся в Астрахани и умерший в 1873 году в пути до Нижнего на пароходе, также был Максим.

Ранней весной 1896 года, по вскрытии Волги, Алексей Максимович с семьей переехал из Самары в Нижний-Новгород.

В родной город он приглашен был на постоянную литературную работу.

в местную газету «Нижегородский листок».

Газета была молодая, боевая, или, как тогда говорили: «либерального направления».

Приглашение Алексея Максимовича на работу в Нижний совпало с крупным событием. В мае 1896 года здесь открылась Всероссийская выставка, одновременно с нижегородской ярмаркой. Ожидался громадный съезд публики со всех концов России, а отсюда и наплыв читателей и публикаторов.

Провинциальной молодой газете, с ограниченным контингентом читателей-подписчиков, нужно было рискнуть улучшить на это боевое время качество газетного материала, и она рискнула. На постоянную работу в ряды сотрудников были приглашены А. М. Пешков и Е. Н. Чириков. Первый стал помещать в газете свои фельетоны под своим уже известным

читателям Поволжья псевдонимом — М. Горький, а второй скрылся за интимной подписью: Валин.

Работая во время выставки в газете, Алексей Максимович получал по тогдашнему времени громадный гонорар. Во-первых, ему платили постоянное жалованье в размере 50 руб. в месяц и, кроме того, по 5 коп. с напечатанной строки, для остальных сотрудников высший гонорар был 3 коп. со строки. Помимо «Листка», он работал в иногородних газетах, давая в качестве «собственного корреспондента» интересные, живые статьи о выставке.

Ставка газеты на имена дала положительные результаты: писатели за полгода работы дали массу ценного литературного материала, но тираж газеты особо резко не повысился: Всероссийская выставка не оправдала возлагаемых на нее надежд, признать

ее удачной было нельзя. Публики на ней перебивало немного, расходы же по устройству ее оказались колоссальными. Конечно, львиная доля всех этих расходов осталась в руках строителей и устроителей — подрядчиков и чиновников.

После выставки Алексей Максимович остался в Нижнем и занял в редакции почетное место авторитетного сотрудника газеты, не теряя связь с ней до своего отъезда из города в 1901 году.

(Продолжение следует).

(Продолжение *).

В Нижнем Алексей Максимович поселился в большой квартире в доме Киришбаум на Ковалихинской площади. Дом этот и квартира сохранились до настоящего времени, сохранился и дом напротив, в кото-

ром местное жандармское управление сняло квартиру для своего агента. В угловой комнате этого дома был устроен очень удобный наблюдательный пункт за парадным крыльцом горьковской квартиры. Не пропускали ни конного, ни пешего, фиксировали каждое посещение. Вообще старая жандармерия была чрезмерно внимательна к писателю и его посетителям, а последних было не мало. С утра и до вечера в квартире была самая разнообразная публика всех направлений, обращавшаяся к писателю по самым разнообразным делам и запросам. Крестьяне, рабочие, ремесленники, литераторы, интеллигенция, земские и городские деятели, старые приятели — друзья детства — тряпичники, птицеловы и др.

Были случаи, что эти «друзья детства» считали необходимым эксплоа-

*) См. «Ленинскую смену» за 28 и 29 августа с. г.

НА РОДИНЕ М. ГОРЬКОГО

V.

(Окончание).

Рабочая комната провинциальной газеты. Над общим длинным редакционным столом, заваленным газетами и журналами, большая висючая лампа-молния.

Около 12 часов дня редакционная публика вся в сборе.

За большим столом, с помощью ножиц и клея, начали уже «творить газетную опару». На гранках чистой бумаги напечатаны заголовки: «Внутреннее обозрение», «Среди газет и журналов», «Новости из-за границы», «Смесь» и даже — «Нам пишут» с неизбежными двумя точками. Собственная информация не по силам провинциальной газете, приходилось обращаться к клею и ножницам.

Редакционная молодежь оживленно обменивается впечатлениями перед уходом на дневную работу: в думу, в земство, на биржу. Усиленно курят, зубоскалят.

В конторе редакции, рядом, за дверью, раздается веселый заразительный хохот общей любимицы — заведующей конторой и, вслед за тем, через притворенную дверь слышится своеобразное всем хорошо известное басистое гудение с неизбежным «оканьем»:

*) См. «Ленинскую смену» за 28, 29 и 30 августа.

тировать товарища, ставшего уже знаменитым.

Так, однажды, птицеловы явились к старому товарищу и сообщили, что они бедствуют из-за дров:

— Дров нет ни полена, хоть умирай от холода, а купить не на что.

Алексей Максимович тут же предложил взять дров у него.

Птицеловы забрали все наличие дров в сарае писательской квартиры к великому ужасу почтенной домоправительницы писателя — старушки Марьи Александровны.

— Все забрали, — сообщила она грустную новость, — до полена. Жди когда привезут, а до тех пор в холоде сиди.

Доброта и отзывчивость Алексея Максимовича являлись из себя отличительную черту его характера в молодости, таким он остался и до настоящих дней.

Живя в Нижнем, он снабжал книгами, ценными предметами начинающих авторов, школы. Часто сам, стесненный в средствах, он не находил возможным оказывать в материальной помощи нуждающемуся человеку. И в то же время, вместе с изумительной добротой и сердечностью в этом великом человеке уживалось особое чувство строгой требовательности и к себе, и к близким. Чем ближе к Алексею Максимовичу стоял человек, тем строже и суровее реагировал он на действия этого человека, не соответствующие жизненным правилам и порядку.

Обмануть Алексея Максимовича было трудно. Кроме того, человек пытался сделать это, терял в его глазах всякое значение. Отход от такого человека происходил просто, твердо и безвозвратно. Были случаи, что простое невыполнение по-

ручений, данных писателем, завершалось проборкой.

«Школить» молодежь он умел. Это умение он сохранил и до наших дней. В то же время трудно было отыскать более сердечного и отзывчивого друга, как Алексей Максимович. В тяжелые жизненные минуты, постигшие близкого ему человека, он не останавливался ни перед чем, чтобы помочь этому человеку.

Встает в памяти такой факт. Это было лет 35 тому назад.

В Нижнем Новгороде, по мысли Алексея Максимовича, создано было большое дело помощи и содействия рабочим-революционерам и вообще «политическим», главным образом, перешедшим на нелегальное положение. В летнее время через Нижний направлялись эти лица группами и в одиночку к местам их политической нелегальной работы: в города низовья Волги, на Кавказ, в Баку. В Нижнем была явка, здесь они жили иногда по несколько дней в ожидании «своего» развозящего парохода.

Многие из нынешних крупных работников помнят, вероятно, годы нелегальных скитаний и нелегальных их поездок по Волге и Каспийскому морю через Нижний.

Устраивались эти перевозки через знакомых капитанов и машинистов команды. В Астрахани «сасажеры» направлялись далее с верными людьми.

В самом Нижнем одним из ценных работников этой организации был надзиратель нижегородской речной полиции Павел Иванович

Протасов, недавно умерший. Это был большой друг «нелегалов», много содействовавший устройству их дел. Кроме того, осведомленный по службе, он всегда заблаговременно предупреждал тех, над которыми нависали темные тучи ареста или обыска.

В самый разгар этой навигационной «работы» в московской газете «Курьер» появился хлесткий фельетон С—ча. Автор фельетона еще жив и состоит в списках советских писателей. Фельетонист за отсутствием, вероятно, по случаю жаркой погоды интересных тем, вышутул систему перевозок по Волге указанных лиц. Фельетон был обидный по своей несправедливости, а главное, вредный для дела, которое осуществлялось Алексеем Максимовичем. Последнего в момент появления фельетона в Нижнем не было. Его со дня на день ждали с низовьев Волги. Номер газеты с фельетоном С—ча был передан ему в момент приезда на пароходе.

Покручивая короткие усы и прищипывая их — признак волнения и недовольства — Алексей Максимович, дочитав фельетон, сказал:

— «Ладно, не вешай головы, не печаль хозяина. Сегодня в Москву поеду, там разберемся!».

По возвращении из Москвы он рассказал всю сцену «расприазы», произведенной им в редакции «Курьера». Злополучный С—ч ничего не мог сказать, кроме того, что «был введен в заблуждение».

Глядя 35 лет тому назад была, по видимому, такая же жаркая, как и 1934 году.

(Продолжение следует).

Алексей Максимович!

В комнате становится тише. В дверях появляется фигура М. Горького. Алексей Максимович часто заходил с Петровым (Скитальцем).

— «Тень Горького», — острела молодежь по адресу Степана.

Любимый костюм Алексея Максимовича в это время был: широкое, длиннополное ватное пальто с хлястиком. Летом пальто заменялось крылаткой. Костюм «тени» был такой же. Под крылаткой и тот, и другой носили широкие черные блузы с кожаными поясами.

В руках и на руках у Алексея Максимовича всегда поклажа: ворох книг, рукописи, письма, направляемые на редакцию. Часто, — предметы выработки заводских кустарей: художественно расписанное «донцо» от Городца, деревянные расписанные киноварью по «хохлому» способу ковш, птица, блюдо.

— «Посмотрите, господа, какая это великолепная штука», — «окал» Алексей Максимович, приветствуя публику и пред'являя для обозрения ту или другую добычу им местную художественную редкость.

Самый способ приветствования у него был какой-то особенный — душевный. Здраваться с ним было легко, несмотря на то, что здороваясь, он как бы пронизывал каждого взглядом, но прустный взгляд серых глаз не обещал плохого. В общении с ним каждый чувствовал какую-то особенную легкость и спокоевие.

— «Анна Николаевна», — обращается Алексей Максимович к А. Н. Шмидт, — старшей в то время работавшей Нижегородского края, писавшей, между прочим, и отчеты о

земских собраниях, — «вы вчерашнюю речь, речь этого прохвоста Зененко записали? — Не худо было бы привести полностью и ответ Александра Александровича (Савельева)».

Анна Николаевна, поместившись на противоположном конце стола с земским отчетом, не отрываясь от гранок, кивает головой.

— «Все будет, только вот как цензор».

— А кто сегодня? —

— Земские собрания — цензурует «сам».

— «Сам», это — вице-губернатор, барон Фредерикс, прославивший впоследствии, когда в 1906 г. стал нижегородским губернатором «по выбору общества», свое имя знаменитой мошеннической историей с Лидвалем и помогавший, между прочим, этому предпринимателю держаться на нижегородской ярмарке в 1906 и 1907 году карточный притон с кафе-шантаном; и не только помогал, но и был самым крупным пайщиком в этом деле.

Нижегородский губернатор — барон Фредерикс, близкий родственник министра двора «его величества» — содержатель шуллерского ярмарочного притона!

При слове «сам», Алексей Максимович движением головы откидывает назад свои длинные волосы, проводя по ним рукой. Постоянный жест в минуту волнений.

— «Да... от этого франта не жди хорошего», — медленно протягивает он. — «Лучше, если Робуш».

Робуш — чиновник особых поручений при тогдашнем губернаторе, цензуровавший местные газеты. Отличаясь большой уступчивостью, осо-

бенно когда был «в настроении». Газета с ним «дружила». В критические минуты спасения интересно, но опасного с цензурной точки зрения материала, приходилось с ведома того же Алексея Максимовича прибегать к экстраординарным мерам, вплоть до отдельного кабинета в лучшей местной гостинице. Гранки для подписи приносились в отдельный кабинет после полуночи. Настроенный хорошо Робуш передавал цензорский бланк и свое факсимиле собеседнику, а последним чаще всего был Н. П. Ашешов, и опасные места проходили без кастрации. Конечно редакция, в силу целого ряда причин, не злоупотребляла этим приемом, не желая подводить покладистого цензора.

В это печальное безвременье развешивался, креп и бунтующим потоком рвался неудержимо наружу сочный, свежий, оригинальный талант М. Горького.

Целый ряд жизненных очерков, фельетонов, наполненных незабываемым сарказмом и блестящим остроумием, все это так или иначе без больших потерь удавалось провести с цензорских гранок на печатные газетные полосы и передать читающей публике.

Старые нижегородцы помнят полемику, которую в 1906 году на страницах «Нижегородского Листка» Алексей Максимович вел с художником А. А. Карелиным, по поводу картин Врубеля, бывших на нижегородской выставке. В этом споре, касавшемся специального предмета живописи — последнее слово осталось за Алексеем Максимовичем и художник-специалист вынужден был

уступить полемическое поле газетному работнику — молодому начинающему писателю М. Горькому.

Трудовой день в редакции заканчивался часов в 7—8 вечера. Все, что было за день, сдано в типографию. В квартире заведующего, рядом с конторой, вечерний чай. За столом интимный свой кружок 3—4 человека. На широком кожаном диване Алексей Максимович в своей любимой позе: длинные ноги, с которыми он забрался на диван, охвачены обеими руками, подбородок чуть ли не касается согнутых коленок.

Рассказывает. Тон рассказа однообразный, отчасти тягучий. Картины описания — яркие, жизненные. Одним словом, звуком, интонацией определяется целое положение.

Сидим, как замороженные.

А пулкий басок «окает»:

— Было это на Кавказе. На военнопольной-грузинской дороге...

Но стоило только в этом обществе появиться случайному, мало знакомому человеку, Алексей Максимович резко менялся: он смолкал и отвечал короткими, односложными фразами. Воодушевление как бы отлетало и перед новым посетителем сидел нахохленный, скучный человек.

(Следующий, шестой очерк Ф. П. ХИТРОВСКОГО будет печататься в ближайшее время).

Отв. редактор Д. ЛУКИН.
Издатель: ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ГОРЬКОВСКАЯ КОММУНА».

НА РОДИНЕ М. ГОРЬКОГО

(Продолжение).

VI.

ПОЭТ ЛЕОНИД ГРАВЕ

«Хорошенько осветите нижегородских людей, таких как Кулибин, Калашников, Граве—талантливый был поэт, едкий, хорошие политические стихи писал,—покопайтесь у старожил».

М. Горький. (Из речи на совещании писателей горьковцев в Москве, 28 августа 1934 г.).

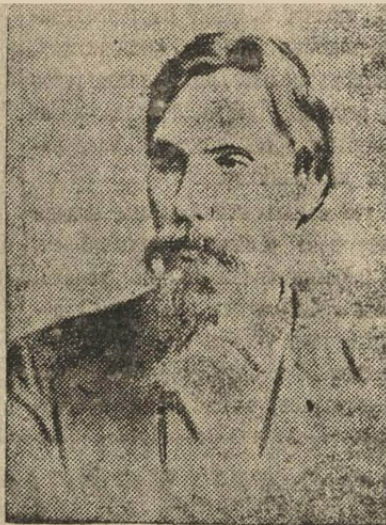
— «Большая худощавая фигура, обращавшая внимание, полуседые длинные волосы и борода, фетровая шляпа и какая-то развевающаяся черная альмавива. Фигура эффектная, напоминавшая художника».

— Так о Л. Г. Граве пишет Короленко, знавший поэта и оригинального человека в последние годы его жизни в Нижнем-Новгороде.

— В произведениях Алексея Максимовича Граве, как тип, не фигурирует, но ему наш великий писатель посвящает теплые строки детских воспоминаний.

— В произведении «В людях» писатель пишет о поэте:

— «Нередко в «Московском листке» встречаются стихи Леонида Граве, мне они очень нравятся, я списываю некоторые из них в тетрадку, но хозяйка говорит на это: — Старик, ведь, а стихи сочиняет.

ПОЭТ ГРАВЕ.

— Пьяница, полоумный, ему все равно!»

Вспоминается нижегородское детство—конец семидесятых и начало восьмидесятых годов. На окраине города, на бывшей Напольно-Замковой улице, за старым острогом, лицом в чистое поле стоит древний дом Васильева. На верху этого дома, в мезонине под крышей, живет чудной старик. Высокий, с длиннющей бородой, тонкий, в крылатке. Вначале он пугал нас—ребят и своей фигурой, и крылаткой, бородой, но мы почему то быстро освоились и подружились со стариком.

Суровый на вид, он привлекал нас своей особой сердечностью.

Он любил детей, а дети прекрасно понимают кто их любит.

Страшный старик был поэт—адвокат Граве.

В этом же доме жил другой, не менее знаменитый, человек: — юноша барон Б., друживший с Граве. Этот барон, закончивший свои младые дни в Миллионке, фигурирует в пьесе «На дне».

— «Учился в Александровском дворянском институте», — говорит барон в пьесе.

Барон Б. с Напольно-Замковой улицы, друг Леонида Граве,—питомец нижегородского дворянского института, откуда он был изгнан за «художества», спился и, попав в Миллионку, быстро сгорел.

Что связало его с Граве, сблизило, правда, на короткое время?

Общность дворянских классовых интересов?—Едва ли. Как тот, так и другой не признавали никаких особых интересов, кроме ежедневной выпивки, что, вероятно, их и объединяло.

Такова глубоко-трагическая судьба большинства талантливых людей до-революционного прошлого.

Граве не нашел, повидимому, в известных общественных течениях шестидесятых семидесятых годов ничего кроме разочарования и признал за лучшее погрузиться в пьяный угар, ища в последнем успокоение и утешение.

Судебные реформы, именуемые «великими», толкнули его на путь адвокатуры. По отзывам таких специалистов, как Плевако, Граве был талантливый защитник. Он, между прочим, охотно и с большим успехом вел крестьянские дела. В спорах крестьян с помещиками он становился на сторону первых, добивался результатов и в то же время как бы тяготился этой профессией, не находя, повидимому, и в «великих» реформах удовлетворения для своих душевных запросов и настроений.

— Он искренно любил нас—детей улицы, в свою очередь и мы платили ему искренней дружбой. С Граве мы не стеснялись и часто даже без него посещали незащищаемую

квартиру поэта. Охранять квартиру Граве крепкими замками не было надобности: она была почти свободна от предметов, которые можно, вернее, нужно было похитить.

К тому же в летнее время поэт выезжал (вернее: уходил) на дачу в село Высоково — пригород против Напольной улицы. В селе, в крестьянском доме, он снимал комнату.

— В город Граве являлся ежедневно по утрам. К его приходу, в городской квартире, а чаще на дворе дома, собирались клиенты.

Высокая, худая фигура в крылатке, с развевающейся по ветру бородой—усматривалась издали.

— Идет,—проносится среди ожидающих.

Шустрый, волнующийся человек из городских лавочников первым подбегает к Граве.

— Леонид Григорьевич, да что же это вы?—уныло спрашивает он.

— В чем дело, дитя мое?

— Да как в чем дело? Ведь сегодня у нас суд.

— Какой суд, дитя мое,—не меняя спокойного тона,—говорит Граве, входя в квартиру.

— Господи, боже мой,—с искренним горем и отчаянием говорит клиент, безнадежно всплескивая руками: «да дело наше в суде разбирается сегодня».

— Дело разбирается? Ну что же, дитя мое, сходим, посмотрим.

— Где фрак?—спрашивает он кого-то, но обнаружив старенький помятый фрак под крылаткой, спокойно начинает укладывать в свой портфель необходимые для суда деловые бумаги.

Адвокатская присяга—фрак редко сходил с худых плеч Граве, в нем он даже спал, прикрываясь вместо

отсутствующего одеяла той же крылаткой.

Выступая экспромтом в суде по неизученному делу, ухватив в процессе судебного следствия кое-какие детали и хвосты фактов и сути дела, Граве тут же составлял план защиты и выступал с речью, частью талантливой, неотразимой по обаятельности доводов и очень редко проигрывал дела. Клиентов у него было много, но платили ему кто что хотел, в этом отношении он был особенный человек и требовать не мог.

Своими судебными успехами он больше всего делился с уличной декой: в дни выигрышных процессов и получения гонорара он за услуги щедро давал на гостинцы и мы по несколько человек дежурили у его дверей, чтобы всем, целой толпой бежать за одной бутылкой вина.

Клиенты Граве с нами—ребятами, за услуги расплачивались по особому. Вместо того, чтобы дать заработанный пятак на руки, они выходили за ворота и, поплевав на принадлежащую нам монету, забирали ее далеко в поле в придорожную пыль. Толпа детворы криком, визгом, толчками бросалась в поле. У места падения монеты завязывалась драка. Счастливцев, захвативший монету, подвергался избиению.

Потные, усталые, озлобленные мы валялись в придорожной пыли, а хозяйка, схватившись за бока, неистово ржала, любуясь потешным зрелищем.

— Тяжелое было время, но поучительное,—как сказал М. Горький по поводу детских дней своей яркой многогранной жизни.

— Умер Граве зимой, в январе

1891 г. еще далеко не старым: ему было 49 лет. Умер от чахотки.

На средства, собранные по подписке, его схоронили на кладбище женского монастыря, неподалеку от могилы другого талантливого нижегородца бытописателя — художника П. И. Мельникова (Печерского).

В его холодной, неотапливаемой квартире не оказалось никакого имущества.

На похоронах Граве постороннего народа из города почти не было. И далеко, и холодно. Нижегородская интеллигенция, главным образом адвокатура, нашла более удобным приехать на отпевание прямо в церковь.

У гроба перед выносом собралась молодежь—старая окраинная детвора и смена—ребята из соседних домов Напольно-Замковой улицы.

В рваных кацавейках, отцовских старых шапках, бабушкиных худых шалах, в башмаках, опорках и тяжелых с большой ноги—валенках—стояла эта толпа у холодного гроба в холодной комнате.

От стужи и жалости, которая сжимала ребячье сердце при воспоминании о любимом дедушке, ребяташки шмыгали носами, а когда гроб понесли по крутой лестнице к выходу, шмыганье усилилось, переходя в детское всхлипывание.

А по ком ребяташки захныкали, Тот наверно был доброй души...

На улице по дороге через крутые окраинные снежные сугробы толпа дошла до «серяковского» трактира и повернула в узкий Острожный переулок. Здесь в толпу бросился острый, обжигающий, северный ветер. Ребята дрогнули и, как стая воробьев, поднявшаяся ту-

чей и разлетевшаяся по разным направлениям,—разбежались по узким снеговому тропам вдоль обледенелых заборов к своим домам, флигелям и подвалам.

— Прощай, милый дедушка Граве!—вспоминали они поэта, отогреваясь в сыром тепле темного подвала.

Граве, как поэт, имеет свое определенное место в русской литературе, и во всяком случае не на ее задворках.

Выражая в довольно звучных стихах разнообразные настроения от гражданских тем до поэзии умерших «вишневым садам» и «дворянских гнезд» включительно, Граве, несмотря на всю эту мешанину взглядов и направлений, все же должен быть отмечен, как поэт истинного настроения, правда, глубоко пессимистического, но с живым тяготением к красоте и свободе.

— Я падаю, я изнемог душой,

— Но все-ж во мне достанет вдохновенья,
Чтобы любви и истинне святой
Прощальное послать благословенье.

— Писал он в своем посвящении знаменитому когда-то «русскому Златоусту» адвокату Плевако.

Московскому поэту Л. Н. Трефолову, с которым Граве работал в изданиях Пастухова, посвящено стихотворение, заключительные строки которого:

За принят холодный тленья,
За покой самозабвенья,
Выйдем в добрый час!

Пессимистическое настроение поэта не редко сменялось брызгами остроумия, облеченного в форму яркого, обличающего экспромта.

Кампания нижегородских поэтов

вышучивая находившегося в их среде подвыпившего Граве, резко оскорбляла его. Некий горбатовский дворянин Обтяжнов (ярый черносотенник) в разговоре с другим дворянином Авиловым назвал Граве «первым дураком».

— Граве тут же ответил экспромтом, известным многим старым нижегородцам:

— Я и в сонме дураков
Первым быть не вправе:
Есть Авилов, Обтяжнов,
А потом уж Граве.

М. Горький, где-то вспоминая нижегородского адвоката Венского, характеризует его кратко: циник, умница.

— Граве, Венский, Красовский были старинные нижегородские адвокаты.

— Насколько Граве был талантливым в части криминала, настолько последние двое были великими знатоками в области гражданского права.

Свои блестящие и точные выводы, не редко служившие основанием для сенатских принципиальных решений и узаконений, эти люди составляли, сидя за столом, на котором стояла почти опорожненная четверть водки.

Для чистоты решений оба нижегородские сенатора сидели за четвертью в костюме Адама.

Так жгли свою жизнь талантливые люди мрачного прошлого. В обстановке произвола и насилия, грубо толкавших в жизненную грязь их человеческие права, умственные и культурные запросы, они не находили другого выхода в жизни, кроме беспробудного пьянства.

Тяжелое время, поучительное время!